

УДК 82.091

Сытина Ю.Н.

Московский государственный областной университет

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.Ф. ОДОЕВСКОГО 1830-Х
ГОДОВ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ***

J. Sytina

Moscow State Regional University

**RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL VIEWS OF V. ODOYEVSKY
IN THE 1830S AND THE UNDERSTANDING OF THEM
IN THE NATIONAL LITERARY CRITICISM**

Аннотация. В.Ф. Одоевского традиционно относят к представителям философского романтизма, поскольку именно мысли и идеи лежат в основе его художественных образов. Одоевский обладал сложным, синтетическим, порою двойственным мировоззрением, что как нельзя лучше подчёркивается многообразием интерпретаций его философии в отечественном литературоведении. Наличие несхожих, даже противоречивых толкований системы воззрений писателя делает интересным объектом исследования не только философские и религиозные взгляды Одоевского как таковые, но и их осмысление в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: история науки, литературоведение, интерпретация, философия, религия.

Abstract. V. Odoevsky is traditionally considered as a representative of philosophical romanticism, because it is thoughts and ideas that are the basis of his artistic images. Odoevsky had a complex, synthetic, sometimes ambivalent ideology that is excellently emphasized by a variety of interpretations of his philosophy in the national literary criticism. The presence of different, even contradictory interpretations of views of the writer makes an interesting object of study of not only the philosophical and religious views of Odoevsky as such, but also of their understanding in different historical epochs.

Keywords: history of science, literary criticism, interpretation, philosophy, religion.

Князь Владимир Федорович Одоевский – один из виднейших русских мыслителей и деятелей культуры первой половины XIX века. Сфера его интересов поражает своей широтой – он был писателем, философом, литературным и музыкальным критиком, издателем, музыкантом, теоретиком-педагогом, просветителем, химиком, электротехником, транспортником и даже кулинаром. Однако, «при всей пестроте» занятий, Одоевский «всегда оставался мыслителем, всегда стремился к строгой систематичности в своих построениях» [6, с. 141], поэтому исследователи любой области его деятельности неизменно обращаются к изучению философии Одоевского.

Как писателя Одоевского традиционно относят к представителям философского романтизма, поскольку именно мысли и идеи лежат в основе его художественных образов. Одоевский обладал сложным, синтетическим, порою двойственным мировоззрением, что как нельзя лучше подчёркивается многообразием интерпретаций его философии в отечествен-

© Сытина Ю.Н., 2012.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. ГК № 14.740.11.0562 от 05.10.10.

ном литературоведении. Наличие несхожих, даже противоречивых толкований системы воззрений писателя делает интересным объектом исследования не только философские и религиозные взгляды Одоевского как таковые, но и их осмысление в различные исторические эпохи.

Одоевский пережил сложную философскую эволюцию. Наибольшее внимание литературоведы уделяют его мировоззрению 1830-х годов, поскольку именно в этот период были созданы практически все художественные произведения Одоевского, начиная с «Последнего квартета Бетховена», опубликованного в 1831 году, и до выхода в 1844 собрания сочинений, в котором впервые увидели свет «Русские ночи» – первый русский философский роман и своеобразный итог писательского пути Одоевского. «Русские ночи» вобрали в себя немало повестей, ранее изданных в 1830-е годы, что позволяет говорить о целостности мировоззрения Одоевского этого периода.

Романтический пафос, философские идеи и необычная форма «Русских ночей» вызвали недоумение критики середины 1840-х годов – эпохи реализма и «натуральной школы». Характерные для того времени интерес к злобе дня, прежде всего, в социальном её преломлении, и стремление к трезвой практической деятельности были прямо противоположны туманной мечтательности и кажущейся абстрактности книги Одоевского, его духовной, а не социальной печали, тоске по чистой красоте, по вещам «бесполезным».

Так, В.Г. Белинский, высоко оценивая «дидактизм», «гумор» [1, т. 1, с. 275] и сатирическую направленность «светских» повестей Одоевского, резко отрицательно писал о «каком-то странном фантазме» [1, т. 8, с. 314] и крайнем идеализме некоторых его произведений. Похожих взглядов относительно мировоззрения и творчества Одоевского придерживались такие известные литературные критики, как В.Н. Майков, А.М. Скабичевский и другие представители западничества.

Уже в XIX веке личность и творчество Одоевского вызывали интерес самых разных деятелей русской культуры: А.Ф. Кони, А.П. Пятковского, Д.Д. Языкова, Н.Ф. Сумцова, Б.А. Лезина, И.И. Замотина, П.Н. Соловского и других. Но настоящее признание пришло к писателю только в XX веке. Тогда же появились и научные исследовательские работы, посвящённые его художественному наследию.

В дореволюционной России начала XX века к произведениям Одоевского обращались такие литераторы и философы, как Ю.И. Айхенвальд, В.В. Гиппиус, В.В. Розанов, Н.А. Котляревский, И.А. Кубасов.

Этапной в изучении творчества Одоевского стала вышедшая в 1913 году фундаментальная монография П.Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель». По справедливому замечанию В.В. Зеньковского, после выхода этой работы «можно считать установленным, что Одоевскому должно отвести очень значительное место в развитии русской философии» [6, с. 140].

Н.П. Сакулин подробно останавливался на развитии «миросозерцания» Одоевского, причем не просто глубоко анализируя философские и религиозные искания писателя, но и вписывая их в широкий как русский, так и западноевропейский мировоззренческий контекст 1820-1830-х годов. Детально рассматривая истоки убеждений Одоевского, исследователь обращался не только к Шеллингу, но и к европейским мистикам (С. Мартену, Ф.К. Баадеру, Гёрресу) и к учениям святых отцов Православной церкви («Добротолюбие» в переводе преп. Паисия Величковского).

Н.П. Сакулин справедливо отмечал и аргументированно доказывал, что главным в сложной философской системе Одоевского была вера: «Знание, хотение и действие, <...> наука, поэзия, религия <...> вот параллельные ряды родственных явлений, которые, как радиусы в центре, сходятся в стихии веры» [11, т. 2, с. 394]. Говоря о глубокой

религиозности Одоевского, литературовед, вместе с тем, подчёркивал внецерковность духовных исканий писателя, отмечая, что в первой половине XIX века «Русская православная церковь, сдавленная бюрократическим режимом, не обнаруживала признаков жизни» [11, т. 1, с. 342]. И хотя Одоевский отдавал предпочтение православию, а не западноевропейским вероисповеданиям, «корни его мистики», по мнению Н.П. Сакулина, «всё же находятся главным образом на Западе» [11, т. 1, с. 394].

Подобная интерпретация мировоззрения Одоевского – упор на внецерковные и мистические составляющие его убеждений, – вероятно, продиктована не только сложным, синтетическим характером философии писателя, но и эпохой, в которую была создана монография Н.П. Сакулина, – эпохой Серебряного века, с его обострённым интересом к мистицизму и символизму, глубокими окколорелигиозными исканиями.

Вместе с тем, хотя некоторые положения Н.П. Сакулина относительно западноевропейского мистицизма Одоевского и отдалённости писателя от православной церкви представляются спорными, данное исследование до сих пор не потеряло своей актуальности и является едва ли не самым обширным трудом, посвящённым философии и творчеству Одоевского.

В советской России до конца 1960-х годов художественное наследие Одоевского изучалось мало, появлялись лишь единичные статьи О.В. Цехновицера, Е.Ю. Хин и других учёных. Исследования этого периода носили подчёркнуто идеологический характер, что неминуемо приводило к искажённому анализу как общественно-политических, так и философских взглядов писателя. Так, Е.Ю. Хин настаивала на «противоречивости идейного облика» Одоевского, отмечая «политическую ограниченность», «предрассудки и заблуждения его времени и его класса» [16, с. 13].

Начиная с 1970-х годов, в отечественном литературоведении всё больше нарастает

интерес к личности и произведениям В.Ф. Одоевского. Изучению его философии посвящают диссертации М.И. Медовой и М.С. Штерн. Ю.В. Манн в работах о романтизме также обращается к творчеству Одоевского и, как и другие исследователи того времени, говорит о теснейшей связи мировоззрения Одоевского с немецкой философией романтизма, рационализмом и Просвещением [9, с. 427].

Одним из первых крупных исследователей творчества Одоевского в советское время был Е.А. Маймин. Главный акцент он делал на влиянии Шеллинга и немецкого романтизма в целом на мировоззрение Одоевского, однако же, подчёркивал и «резкое своеобразие литературного дарования» этого «виднейшего представителя философского романтизма в России» [8, с. 247]. Исследователь указывал на целостность философских и эстетических взглядов писателя: несмотря на то, что Одоевский пишет «много и в разных жанрах», «в его произведениях легко отыскать единую концепцию жизни и человека» [8, с. 254]. По замечанию Е.А. Маймина, Одоевский стремился к целостности не только в своих умозаключениях, но и в жизни, считая полноту существования главным условием человеческого счастья.

Стремление жить в «мире высокой красоты и поэзии» [8, с. 274], с одной стороны, и вера в возможность социального и духовного «счастья для всех и каждого отдельного человека» [8, с. 265] – с другой, по справедливому замечанию Е.А. Маймина, являются одними из центральных положений идеализма Одоевского. Вместе с тем, путь к счастью, а отчасти и само счастье, по мнению писателя, заключается в самопознании – напряжённом процессе «не столько логических и рациональных, сколько духовных и душевных поисков» [8, с. 265].

Давая глубокий и объективный анализ мировоззрения Одоевского, Е.А. Маймин, как и другие литературоведы советского времени, по понятным причинам, связанным с идеологическими установками, ничего не

говорит о религиозных взглядах писателя, не идёт дальше констатации его высоких идеалистических настроений. Однако, несмотря на это, исследование Е.А. Майминым философии Одоевского не потеряло своей актуальности и является одним из наиболее основательных и серьёзных.

К произведениям Одоевского обращается и такой видный исследователь романтизма, как В.Ю. Троицкий. Он высоко оценивает творчество писателя, считая, что оно «явилось как бы интеллектуальным вкладом романтизма в литературу» [13, с. 212]. По мнению исследователя, «фантастические образы» и «таинственный колорит» в сочетании с философскими размышлениями помогают Одоевскому «создать художественные произведения-системы, впитавшие духовный опыт предшествующих поколений, и прежде всего опыт, находящийся на грани неизвестного и одухотворённый мечтою о цельном человеческом знании» [13, с. 212].

В.Я. Сахаров пишет о самобытности взглядов Одоевского: «<...> это именно русский мыслитель, деятельный всеобъемлющий ум, упрямо стремящийся к „воссоединению всех раздробленных частей знания“» [12, с. 6]. Как и многие названные выше исследователи, В.Я. Сахаров обоснованно подчёркивает, что между всеми мыслями, книгами и начинаниями писателя существует «стройная философская связь» [12, с. 6]. Анализируя повести Одоевского, литературовед настаивает на строгой научности его мировоззрения и рассудочном характере мистических элементов. Также исследователь отмечает общность философских исканий Одоевского 1830-х годов с исканиями Н.И. Надеждина, молодого С.П. Шевырёва, И.В. Киреевского и раннего В.Г. Белинского.

С.Ф. Касумова, говоря о философских взглядах Одоевского, излишне подчёркивает их рациональность и выступает против «обвинения» [7, с. 8] писателя в мистицизме. М.В. Лобыцына, напротив, рассматривая фантастические повести Одоевского, делает упор на мистическом, прежде всего, масон-

ском влиянии на мировоззрение и произведения писателя.

М.А. Турьян строит анализ взглядов и произведений писателя, прежде всего, проводя параллели с его биографией и указывая на «особое качество автобиографизма в прозе Одоевского» [14, с. 7]. Большая заслуга исследовательницы в том, что она разрушает представление об Одоевском как сухом и умозрительном писателе, произведения которого мало связаны с жизнью. Мастерски, во всех нюансах, ссылаясь на множество писем, воспоминаний и документов, М.А. Турьян прослеживает развитие психики, характера и философии Одоевского, отмечая влияние самых разных явлений культуры на эволюцию философских воззрений писателя.

Одна из первых после Н.П. Сакулина, М.А. Турьян обращается к религиозным взглядам Одоевского, говоря о роли православия и, шире, христианства в его мировоззрении. Анализируя художественное творчество писателя, исследовательница отмечает, что зачастую «религиозный ответ ложится на сложнейшую концепцию» произведений Одоевского опосредованно, «он – ”за кадром”, но, безусловно, ощущается как очень важная сверхзадача» [15].

О православных основах мировоззрения Одоевского говорит и Н.К. Гаврюшин. В докладе «На границе философии и богословия: Шеллинг – Одоевский – митрополит Филарет (Дроздов)» исследователь подробно останавливается на исканиях русских православных богословов и религиозных философов вообще и Одоевского в частности, сближая эти искания с философией позднего Ф. Шеллинга и И.Г. Фихте. Н.К. Гаврюшин отмечает, «что Одоевский, как и многие его современники, опирался не на схоластические формулы академического богословия, а на своё *интуитивное* понимание православия», и показывает, что «принципиальная прозорливость его (Одоевского. – Ю.С.) позиции может быть подтверждена анализом позднейшего развития русской богословской

мысли» [4, с. 83]. Исследователь сближает религиозные искания Одоевского, А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, видя истоки их мировоззрения в «Обществе Любомудров». Доклад Н.К. Гаврюшина представляет большой интерес и заставляет по-новому взглянуть как на личность и творчество Одоевского, так и на соотношение идей немецкой классической философии и православия.

И.В. Соловьёва обращается к проблеме нравственного выбора в произведениях писателя, рассматривая его прозу через призму философского соотношения добра и зла.

Е.Р. Булдакова изучает роман Одоевского «Русские ночи» с точки зрения отразившихся в нём традиций просветительского рационализма, мистицизма и шеллингианства. Исследовательница анализирует эти «идеологические составляющие» «Русских ночей» в их согласовании и взаимосвязи, говорит о том, как данные концепции «интегрируются в структуру и смысл книги» [2, с. 1]. Делая глубокое осмысление философии и творчества Одоевского, Е.Р. Булдакова излишне рационализирует взгляды и художественный метод писателя, не учитывая роли православия в его мировоззрении и высокий лиризм «Русских ночей».

В.Э. Вацуру, анализируя повесть Одоевского «Косморам», настаивает на наличии многочисленных, ещё не выявленных источников, повлиявших на мировоззрение писателя, таких как герметическая, мистическая и масонская литература. Исследователь говорит о «мистической идее двоemiрия и инобытия», которую Одоевский пытается объяснить таинственными свойствами человеческой психики. Анализируя «Космораму», В.Э. Вацуру рассматривает её героев и философию через призму масонского миропонимания, привлекая сочинения И.В. Лопухина. Впрочем, по словам самого исследователя, «нет достаточных оснований включать эти труды в число непосредственных источников» произведения, ведь «то, что содержится в них, писатель вполне мог почерпнуть из других книг, в том числе из Евангелия» [3].

В XXI веке не ослабевает внимание к философским основам творчества Одоевского. Так, диссертация А.В. Воробьёвой посвящена идее бытия как космоса в творчестве писателя. Предметом исследования П.И. Федотовой стали философско-культурологические идеи в творчестве Одоевского. Т.В. Грудкина обращается к феномену двойничества в произведениях Одоевского и А.П. Чехова, проводит сопоставительный анализ мировоззрения писателей. В.А. Анисимов рассматривает литературно-эстетические взгляды Любомудров вообще и Одоевского в частности.

Диссертация В.Н. Остапцевой посвящена лиризму русской прозы 1830-х годов в целом и лиризму произведений Одоевского в особенности. Работа представляет большой интерес, так как главный акцент исследовательница делает на духовных вопросах – «желании лирического героя преодолеть своё одиночество в мире», «разорвать замкнутый круг земного бытия» [10, с. 19]. Для произведений Одоевского, отмечает В.Н. Остапцева, характерна двойственность, связанная с его стремлением к объединению философии и поэзии.

Таким образом, многие исследователи на протяжении второй половины XIX, XX веков и начала XXI века обращались к осмыслению философских и реже религиозных взглядов Одоевского. В целом в мировоззрении писателя учёные выделяют следующие составляющие: немецкую философию романтизма, труды западноевропейских мистиков и средневековых кабалистов, традиции европейского Просвещения и православие. Но акценты исследователи делают самые разные. Поэтому в работах литературоведов Одоевский предстаёт то мистиком-философом (Н.П. Сакулин) и едва ли не масоном (В.Э. Вацуру, М.В. Лобыцына), то идеалистом-романтиком (Е.А. Маймин, В.Ю. Троицкий), то рационалистом и учёным (В.И. Сахаров, С.Ф. Касумова, Е.Р. Булдакова). В последние десятилетия справедливо отмечается и религиозная составляющая в мировоззрении Одоевского (М.А. Турьян, Н.К. Гаврюшин, В.Н. Остапцева).

Рассмотрение истории изучения религиозно-философских взглядов Одоевского в отечественном литературоведении не только ведёт к более глубокому и объективному анализу сложного мировоззрения писателя, но и позволяет проследить пути развития русской литературоведческой мысли. Хронологический обзор научных трудов, посвящённых осмыслению философских и религиозных воззрений Одоевского, показывает, как на смену критическому реализму второй половины XIX века приходят мистические и околорелигиозные искания века «серебряного», которые, в свою очередь, сменяются вульгарным социализмом сталинской эпохи, а затем высокими устремлениями шестидесятников, чьи взгляды наложили отпечаток и на литературоведение 70-80-х годов XX века. На изучение мировоззрения Одоевского в конце XX-начале XXI столетия повлияли как увлечения мистицизмом и масонством, так и возрождение духовных традиций Православной Церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд. АН СССР. 1953-1959.
2. Булдакова Е.Р. Книга В.Ф. Одоевского «Русские ночи» и интеллектуальная культура его времени: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб. 1998. – 212 с.
3. Вацуру В.Э. София: Заметки на полях “Космограммы” В.Ф. Одоевского. Независимый филологический журнал № 42, 2000 [Электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo> (дата обращения: 23.02.2012).
4. Гаврюшин Н.К. На границе философии и богословия: Шеллинг – Одоевский – митрополит Филарет (Дроздов) // Богословский вестник. – М. 1998. – № 2. – 82-95 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект. 2001. – 880 с.
6. Касумова С.Ф. Литературно-критические воззрения В.Ф. Одоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку. 1990. – 234 с.
7. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // В.Ф. Одоевский. Русские ночи. – СПб.: Наука, 1975. – С. 247-276.
8. Остапцева В.Н. Лиризм русской прозы 30-х годов XIX века: В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов: дис. ... канд. филол. наук. – М. 2004. – 224 с.
9. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: В 2 т. – М., 1913.
10. Сахаров В.И. О жизни и творениях В.Ф. Одоевского // В.Ф. Одоевский. Соч. в 2-х т. Т. 1. – М.: Худ. лит. 1981. – С. 5-28.
11. Троицкий В.Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30х XIX в. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
12. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни В.Ф. Одоевского. – М.: Книга, 1991. – 400 с.
13. Турьян М.А. Владимир Одоевский и Лермонтов: К истокам религиозных споров [Электронный ресурс] // URL: [http:// books.imhonet.ru](http://books.imhonet.ru). (дата обращения: 23.02.2012).
14. Ф. Хин Е.Ю. В. Ф. Одоевский // Одоевский В. Повести и рассказы. – М., 1959. – С. 3-38.